

Виктор Алеветдинов

Не отвечай матери

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Виктор Алеветдинов

Не отвечай матери

<https://litres.ru/74652628>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мать Стаса умерла четыре года назад. Сегодня она зовёт его из последнего вагона.

Отец пригласил его на семейный чай и попросил не пугаться знакомого голоса. У тамбура Стаса встречается Инга — женщина, исчезнувшая после их случайной близости. Теперь она просит об одном: не отвечать матери.

В купе новая жена отца укачивает фарфоровую куклу. Отец уверяет, что доволен заботой жены. На обороте билета он пишет: «Забери меня».

В этом вагоне умеют заставить близкого произнести именно то, что хочется услышать. Стасу нужно освободить отца и помочь Инге. Но хозяева семейного чаепития знают, каких слов не хватает ему самому.

Как отказаться от сделки, если она обещает всё, чего ему не хватало в собственной семье?

Содержание

Глава 1 Последний вагон	4
Глава 2 Семейный чай	11
Глава 3 Открытая дверь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Алеветдинов

Не отвечай матери

Глава 1 Последний вагон

В половине девятого вечера поезд тронулся, и отвёртка скатилась с моей сумки под стол. Пришлось встать на колени, чтобы её достать. За три дня ремонта холодильного оборудования привык держать инструмент под рукой. Убрал отвёртку вместе с пассатижами в боковой карман, задвинул сумку поглубже и достал телефон. Звонил отец.

Он поинтересовался, успел ли поесть, потом сообщил, что больничная каша совершенно несъедобна. Про лечение ничего определённого не сказал. Пока я слушал отца, сосед напротив расстилал простыню и вытаскивал её край из-под колена.

Наконец отец объяснил, что они с Верой возвращаются тем же поездом. На мой вопрос напомнил: номер он спрашивал ещё во вторник, просто я забыл. Теперь мне следовало пройти к ним в последний вагон. Там можно спокойно посидеть, пока не пришло время спать.

— Только ты не пугайся, если мать услышишь.

Вскочил и ударился затылком о верхнюю полку. Сосед перестал возиться с простынёй. Отец на том конце молчал. В

трубке звякнуло, и он поспешно сказал, что будет ждать.

— Пап, какую мать?

Вызов закончился. Ещё несколько секунд держал телефон у уха, потом перезвонил. Гудки шли до самого отбоя. Мать умерла четыре года назад, и отец был на похоронах.

Сосед спросил, всё ли у меня нормально. Ответил, что отец после больницы, надо проводить. Убрав телефон, проверил застёжку сумки и затолкал рабочую квитанцию под ручку. Шариковая ручка после расчёта с заказчиком осталась в кармане рубашки.

До хвоста состава оставалось пройти два вагона. В первом ужинали; пришлось пропускать женщину со стаканами, прижимаясь плечом к верхней полке. Впереди хлопнула дверь тамбура. Догнал её и пошёл дальше.

Отец всегда сообщал главное в конце. Месяц назад после разговора о тарифах на электричество выяснилось, что у него третий день течёт холодильник. Приехал, заменил дренажную трубку. Деньги за лекарства положил возле телефона. Отец проводил до двери и спросил, хватит ли мне бензина до дома. Я задержался на площадке, ожидая, что он позовёт обратно. Теперь он позвал, но объяснить зачем опять не сумел.

В конце второго вагона свет был убавлен. На нижней боковой полке мужчина спал, закрыв лицо шапкой. За ним, у двери, стояла Инга и большим пальцем тёрла костяшку указательного. По этому жесту узнал её раньше, чем вспомнил

имя. Она так же растирала руку в первую нашу поездку, когда пыталась попасть булавкой в край дорожного одеяла.

Инга подняла глаза. Удивления на её лице не было, и от этого стало неприятно ещё до того, как успел обрадоваться. Хотелось спросить, куда она исчезла тем утром, но начать с обиды не получалось.

В прошлый раз мы ехали на верхних полках. Она сама предложила загородиться одеялом от света, потом долго смеялась, пока я помогал крепить его к сетке для багажа. После смеха мы старались говорить тише. Помнил её ладонь у себя на груди и тепло под одеялом, которое всё время съезжало с плеча. На рассвете проснулся от остановки. Полка напротив была пуста, булавки лежали возле моего телефона. Номера мы друг у друга так и не спросили.

Хотелось коснуться её руки и проверить, останется ли она рядом. Вместо этого спросил, опять ли она выходит ночью. Инга не улыбнулась. Сказала, что нам надо поговорить, и предложила пройти в мой вагон. Расспросить её не успел: за дверью тамбура произнесли моё детское имя.

— Стасик, руки-то согрей.

Мать говорила так, когда возвращался со двора и лез обнимать её прямо в куртке. Сейчас в голосе сохранилась даже её поспешность. Я шагнул к двери, и Инга взяла меня за рукав.

— Не отвечай матери.

От её слов стало холодно под рубашкой. Инга потянула

меня обратно к спящему мужчине и попросила сначала выслушать её, всё время оглядываясь на дверь.

— Ты её знала? — спросил я.

Инга покачала головой. Затем сказала, что отец действительно там, но лучше вернуться сюда вместе с ним. Пальцы на рукаве сжались. Осторожно освободил рукав, чтобы не потянуть её за собой. За дверью находился отец. Надо было добраться до него.

Она удержала дверь, когда я нажал на ручку, и на миг встала у меня на пути. Наши лица оказались близко. Узнал запах её волос. Инга тихо попросила не пить там чай. Уже открыл рот, чтобы потребовать нормального объяснения, но с другой стороны повернули ручку.

В тамбур вышла проводница в тёмной жилетке. Она посмотрела на нас и спросила, долго ли мы намерены держать проход. Инга отступила. Проводница прижала распахнутую дверь бедром, подняла тяжёлую металлическую скобу и завела её концы между петлями. Фиксатор показался самодельным.

Инга прошла следом, почти касаясь моей спины. Проводница придерживала дверь. Под ногой качнулась переходная площадка, впереди горела лампа под жёлтым стеклом.

За тамбуром были четыре полки. На одной лежало свёрнутое одеяло. Дальше начинался узкий коридор. У ближайшего купе дверь была сдвинута, ещё две оставались закрыты. За ними, в открытом служебном отделении, мужчина в

рубашке что-то записывал, придерживая страницу ладонью. Чуть дальше виднелся буфетный шкаф с решётчатой дверцей. В конце коридора висела куртка проводницы. Она обошла нас и направилась туда, велев не толпиться возле первого купе.

Отец сидел в нём у окна. Увидев меня, попытался подняться, но Вера Аркадьевна придерживала его под локоть и велела поберечь ноги. Потом подложила ему под поясницу небольшую подушку. Он послушно откинулся, хотя взгляд от меня не отвёл.

После больницы лицо у него осунулось, ворот рубашки отставал от шеи. Когда наклонился поправить ему тапок, отец сразу положил ладонь мне на плечо. Рука была тёплая, и от этого немного отпустило.

Вера Аркадьевна сказала, что они ждут давно. Позвонили мне меньше десяти минут назад, но возражать не стал. Она держала на коленях свёрток в клетчатой салфетке. В свободной руке держала чайную ложку.

С Верой отец сошёлся спустя много лет после развода с матерью. В её квартире он выучился спрашивать, куда поставить обувь, хотя раньше бросал ботинки у двери. Теперь и здесь она указывала ему, как сесть.

На столике стояло шесть фарфоровых чашек. Одна оказалась у самого края; отодвинул её локтем, когда выпрямлялся. Вера сразу придерживала блюдце и переставила ближе к себе.

Она спросила, почему я не здороваюсь с братом. Посмот-

рел на отца. Он опустил глаза, а Вера приподняла салфетку у себя на коленях. Под салфеткой лежала кукла длиной с моё предплечье. Лицо блестело, тёмные волосы были приклеены к голове. Её ладони лежали на салфетке. На большом пальце одной руки была стёрта краска.

— Наш сын, — пояснила Вера Аркадьевна. — Теперь вы знакомы.

Отец втянул воздух. Я повернулся к нему, но в этот момент Вера коснулась ложкой чашки возле своей руки. Звякнул фарфор. Ложка пошла вправо, и голова куклы повернулась вслед за ней. Кукла произнесла, не шевеля губами:

— Стасик, руки-то согрей.

Выпрямился так резко, что стукнулся бедром о столик. Инга поймала крайнюю чашку. Вера попросила её быть аккуратнее, а я смотрел на приоткрытый рот куклы. Голос шёл оттуда. Вера в это время прикусила салфетку, освобождая руку, чтобы поправить кукле ворот.

Потянулся к ней. Она отвела куклу к стене и сказала, что пока не надо брать на руки. Хотел спросить отца, что здесь происходит. Уже набрал воздух для привычной фразы, когда Вера перенесла ложку к другой чашке.

— Пап, я к тебе приехал, — произнесла кукла отцовским голосом.

Отец зажмурился. Моя ладонь ещё оставалась протянутой над столом, и пришлось опереться ею о стену. В отцовском голосе узнал свою привычную интонацию. Так говорил у них

в прихожей, если Вера начинала объяснять, чем он занят. Сегодня даже рта открыть не успел.

Инга коснулась моего локтя. Убрал руку от стены и сел возле отца, оттеснив бедром край салфетки. Вера подтянула куклу к себе. Спросил, как его лечили и зачем он просил меня прийти. Отец повернул голову ко мне. Его пальцы заходили по покрывалу, нащупывая мою руку. Вера тронула ложкой ободок чашки и негромко начала: «У нас всё...» Отец ответил громче:

— У нас всё хорошо, сынок. Вера обо мне заботится.

Он произнёс это, глядя мне в лицо, а сам ухватил за запястье и потянул к себе. Большой палец попал на кость; пришлось сдержаться, чтобы не отдернуть руку. Подвинулся ближе, накрыл его пальцы своей ладонью и дождался, пока он снова откроет рот. Вера поправляла салфетку, но теперь я смотрел только на отца. Наклонился к нему и ещё раз спросил, зачем он меня позвал.

Глава 2 Семейный чай

К девяти вечера мы всё ещё сидели в первом купе последнего вагона. Отец держал моё запястье, и под его большим пальцем уже ныла кожа. Он попробовал ответить, но Вера Аркадьевна потянулась поправить ему воротник. Пришлось отвести её руку. Тогда из коридора вошёл мужчина, которого я видел за письменным столом.

Он представился Леонидом Сергеевичем и попросил дать Павлу несколько минут отдыха. Говорил негромко и смотрел мне в лицо.

Леонид Сергеевич принёс металлический чайник, поставил возле двери пустой стакан и спросил, как ко мне обращаться. Ответил, что Стас. Он объяснил, что после лечения отец быстро устаёт. За чаем будет проще: здесь используют упражнение, которое помогает членам семьи выслушать друг друга.

Посмотрел на куклу. Вера придерживала её под затылок, отвернув лицом к стене. Спросил врача, почему из куклы звучит голос моей покойной матери. Он ответил, что знакомый голос иногда помогает человеку справиться с напряжением. Я ждал объяснения, но Леонид Сергеевич уже проверял, удобно ли отцу сидеть.

Вера попросила меня подвинуть локоть и поставила передо мной чашку. Чайник поднесла сама; струйка попала на

блюдце, и она промокнула его салфеткой.

— Стас, ты ведь хочешь, чтобы вы с папой снова стали близки?

Вопрос застал врасплох. Отец перестал сжимать мою руку и посмотрел на чашку. Я ответил, что хочу, и сразу разозлился на себя: опять согласился обсуждать наши дела с Верой.

Она повторила мои слова, подвинула чашку за ручку и велела выпить, пока не остыло. Потянулся к чаю, чтобы занять свободную руку. Инга положила ладонь на блюдце и отодвинула его. Затем оглянулась на стакан возле двери. Она медленно отвела локоть и столкнула стакан с узкой полочки.

Стакан ударился о край порога и разбился. Инга отступила, прижав руки к животу. Поезд шёл без толчков. Видел, как она посмотрела на стакан перед тем, как задеть, и теперь ждал объяснения.

Вера первой потребовала не двигать ногами. Леонид Сергеевич велел Инге позвать проводницу. Инга вышла в коридор, но осталась у открытой двери. Её взгляд задержался на моей чашке. Подвинул блюдце подальше от края.

Врач начал собирать крупные осколки в салфетку. Вера следила, чтобы он не задел чашки, потом придержала его руку над одной из них. Велела отставить её и убрать в шкаф вместе с остальными. Леонид Сергеевич приподнял её, проверяя дно с короткой тёмной риской.

Отец подался вперёд. Его пальцы отпустили меня, и он посмотрел на Веру. Та забрала чашку у врача и поставила

обратно с таким стуком, что ложка подпрыгнула на блюде. Мужу велела откинуться на подушку. Он сел глубже, но взгляд упрямо держал на ней.

Проводница пришла с совком и щёткой. Пока она убирала стекло, из соседнего купе попросили говорить потише. Она пообещала, что семейный разговор скоро закончится. Инга пропустила её и снова встала рядом со мной.

Леонид Сергеевич предложил продолжить знакомство. Вера подтолкнула ко мне чай, но я переставил чашку на середину стола и повернулся к отцу. Выяснил, что его сумка под полкой, а пальто у двери. Сказал, что у меня тоже ниже место и мы можем посидеть там.

Отец облизнул губы. Попробовал подтянуть к себе ноги, чтобы встать, и взялся за край стола. Вера положила ложку поперёк ближайшей к нему чашки. Когда металл коснулся фарфора, она начала негромко: «Ты зря волнуешься...»

— Ты зря волнуешься, я останусь здесь, — произнёс отец.

Он потянул мою руку вниз, к своему колену, и прижал обеими ладонями. Слова прозвучали без запинки. Сам он дышал ртом и водил пальцем по моей ладони.

Я спросил ещё раз, хочет ли он пойти со мной. Вера подняла ложку, но Инга наклонилась над столом и стала высматривать осколки. Её плечо заслонило чашку. Отец шевельнул губами, затем снова надавил мне на руку.

Уже подался вперёд, требуя ответа, но увидел, что он следит за ложкой. Отстранился, чтобы не заслонять свет, и по-

просил показать обе руки. Отец разжал пальцы и повернул ладони ко мне. За разрешением на Веру он не посмотрел.

Из нагрудного кармана достал ручку. Билет лежал во внутреннем кармане, сложенный пополам ещё на платформе. Развернул его на колене чистой стороной вверх и положил отцу под правую руку. Сказал, что можно написать, если трудно говорить.

Леонид Сергеевич попросил не утомлять пациента проverkaми. Пока объяснял, что усталость сказывается и на письме, отец уже вдавливал шарик в бумагу. Первая буква вышла с длинным хвостом, следующую он начал поверх сгиба. Вера привстала, пытаясь прочесть, и я наклонился, заклоняя от неё билет.

Отец написал два слова: «Забери меня». Он подтолкнул билет ко мне; ручка оставила на бумаге ещё одну черту. Я забрал её. Следовало поднять его с полки.

Вера потянулась за билетом. Сказала, что Павел путается, если на него давить. Успела ухватить бумагу за угол. Прижал билет к колену, затем сложил и убрал в карман рубашки. Её ноготь царапнул мне костяшку.

— Он написал, что хочет уйти.

Она ответила, что я сам слышал его ответ. Посмотрел на отца. Он опять протягивал ко мне руки. Записка лежала в моём кармане. Объяснения можно было отложить.

Леонид Сергеевич оказался в дверях раньше, чем успел подняться. Сказал, что сначала должен закончить осмотр.

Предложил мне выйти и дать ему спокойно поработать. Отец на полке покачал головой.

Попросил Ингу достать отцовскую сумку из-под полки. Сам поднялся, чтобы освободить место перед отцом. Врач взял меня за предплечье и повернул к двери. Пальцы сомкнулись выше запястья, с нажимом. Вывернул руку в сторону его большого пальца. Он отпустил, но меня качнуло, и левое плечо ударилось о косяк.

От боли на секунду перехватило дыхание. Леонид Сергеевич отступил в коридор, удерживаясь за край двери. За спиной отец пытался встать один. Пришлось повернуться и подхватить его под локоть. Колени у него дрожали, правая ступня оставалась под полкой.

Инга поставила сумку у порога и подняла складную часть столика. Вера прижала куклу к груди и потребовала опустить стол: на неподвижной части столика звенели чашки. Инга удерживала крышку, пока я разворачивал отца к проходу.

Попросил его перенести вес на меня и сначала вытащить ногу. Он послушался. Пришлось наклониться почти до его плеча, чтобы он мог положить руку мне на шею. Отец цеплялся за рубашку на моей спине, стараясь встать с первого раза.

Когда мы выпрямились, отца повело к столику. Подставил бедро, удержал. Вера протянула руку к его пояснице, но отец отшатнулся, и мы едва не задели чашки. Инга подхватила его свободную ладонь и направила к дверному косяку.

В коридоре Леонид Сергеевич снова заговорил об ответственности, предупреждая о последствиях падения. Попросил его отойти, потому что отец уже стоял. Врач остался на месте и перехватил меня за локоть.

Вера потянула сдвижную дверь изнутри. Дверь прижалась к спине; перенёс вес на левую ногу и удержал. Отец переступил порог, волоча тапок. Из купе звякнула ложка, и Вера начала ту же фразу.

— Ты зря волнуешься, я останусь здесь.

На этот раз отец произнёс слова почти мне в ухо. При этом поднял ногу над порогом и крепче обхватил меня за шею. Продолжал поддерживать его, пока обе ступни не оказались в коридоре. Билет шуршал в нагрудном кармане у его щеки.

В соседнем купе отъехала дверь. Пожилой мужчина высунил голову и спросил, нужна ли помощь. Врач сразу убрал ладонь с моего локтя. Начал объяснять, что пациенту лучше оставаться на месте.

Я не стал отвечать врачу. Спросил отца, сможет ли он пройти до полка. Отец кивнул и переставил ногу. Инга подняла сумку и достала с крючка пальто. Мы двинулись вдоль стены к пассажирскому отсеку.

Проводница встретила нас возле четырёх полка. Потребовала освободить проход: с больным человеком следовало определиться заранее, а не устраивать пересадку в движении. Попросил её придержать дверь тамбура. Она посмотрела на врача и сердито отступила к стене.

У ближайшей нижней полки пришлось остановиться. Отец сползал с моего плеча; дал ему сесть на край и пере-хватил его поудобнее. Инга положила пальто на сумку. Она следила, как я поднимаю отца, готовая подставить руку.

До двери он дошёл медленно, почти не сгибая коленей. Открыл её свободной рукой и придержал спиной. В тамбу-ре стало прохладнее. Металлическая скоба оставалась между петлями. Отец перенёс ногу через порог.

Инга поставила сумку у моих ног. Дальше не пошла. Она заговорила вполголоса, наклонившись ко мне через отцов-ское плечо.

— В шкафу есть моя чашка. Мне нужно её разбить. По-моги мне.

Отец тяжело дышал, прижавшись лбом к моему воротни-ку. Расспрашивать Ингу сейчас означало оставить его стоять. Сказал, что сначала устрою отца, потом вернусь к разговору. Она кивнула.

Прежде чем открыть следующую дверь, оглянулся. Лео-нид Сергеевич вышел из купе с подносом. На нём стояли все шесть чашек; ложки лежали между блюдами. Он понёс их в глубину коридора, к шкафу. Вера шла следом с куклой, при-держивая ей голову ладонью. В нашу сторону она больше не смотрела.

Перехватил отцовскую сумку и помог отцу шагнуть в обычный вагон. Здесь пахло разогретой едой. Мужчина на нижней боковой полке убрал с лица шапку и недовольно

спросил, зачем мы хлопаем дверью. Попросил его подвинуть ноги, провёл отца мимо и остановился у свободного края полки. Отец сел, всё ещё держась за мой рукав, а я придер-жал его за плечи и дождался, пока он отпустит ворот рубаш-ки.

Глава 3 Открытая дверь

До десяти оставалось двадцать минут. Отец сидел на краю чужой полки в обычном вагоне и никак не мог расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки. Помог ему. На вопрос соседа, нужен ли врач, отец покачал головой.

Из служебного отделения вышла проводница. На ней были очки на шнурке. Она попросила дать отцу место, подложила ему под спину свёрнутое одеяло и принесла воду. Медлил, подавая стакан: ждал, что опять звякнет ложка.

Отец взял стакан сам. Пролил на подбородок, вытерся рукавом. Когда потянулся поправить ему ворот, он отстранился.

— Да отпусти ты меня. Больно же.

Разжал пальцы на его плече. Отец сам нашёл мою ладонь и придержал. Проводница спросила, что произошло. Показал ей билет. Объяснил, что отец просит уйти от сопровождающих, а человек, назвавшийся врачом, удерживал меня в дверях.

Она повернулась к отцу и переспросила, хочет ли он остаться с сыном. Он ответил, что хочет, запнувшись после первого слова, и сразу попросил ещё воды. Подал стакан. Наконец можно было спросить его о Вере без её ложки.

Отец наклонился ко мне, пока проводница убирала одеяло с прохода. Сказал, что надо добраться до чашек и разбить

их. Все шесть. При этом он посмотрел в сторону тамбура.

Спросил, откуда ему это известно. Он потёр шею под растёгнутым воротником и ответил, что живёт с Верой много лет. Хотелось потребовать подробностей, но проводница уже возвращалась. Отец тут же попросил подать пальто, лежавшее рядом. Решил, что сначала устрою его, а после он расскажет, что с ним делали.

Проводница уточнила моё место и вызвала начальника поезда. По телефону объяснила, что пожилой пассажир после лечения жалуется на сопровождающих и просит помощи. Потом передала трубку отцу, чтобы он подтвердил сам.

На моём телефоне появилась сеть. Отправил сестре номер поезда, указал, в каком мы вагоне, и попросил встретить отца. Она спросила, почему Вера не отвечает. Написал, чтобы пока не звонила ей: разберусь и объясню. Стерев начатое предложение про голос матери, убрал телефон.

Начальник поезда пришёл с блокнотом. Он присел перед отцом и спросил, нужна ли медицинская помощь. Отец попросил дать ему полежать, потом достал документы из пиджака.

Я рассказал о враче, который не давал выйти, и о записке. На вопрос, где это произошло, показал в сторону тамбура. Начальник поезда поднял глаза. Уточнил, не имею ли в виду предпоследний вагон. Объяснил, что мы пришли с другой стороны и отец сидел в первом купе сразу за четырьмя полками.

Проводница подтвердила, что мы вышли из хвостового тамбура. Начальник предложил пройти туда вместе. Проводнице велел помочь отцу остаться в обычном вагоне и сообщил, что запросит встречу на ближайшей станции, где смогут принять обращение и при необходимости осмотреть пассажира. Отец держал меня за рукав, пока я не пообещал вернуться. Мы оставили его со стаканом воды.

Шёл впереди начальника поезда. У двери замедлил шаг, потому что плечо ныло при каждом движении руки. За стеклом мелькнула тёмная жилетка. У нижней петли задвигались пальцы, затем металл коротко скрежетнул о металл. Скоба поднялась и ушла за край двери.

Начальник поезда подошёл вплотную. Открыл дверь и придержал её для меня. В тамбуре горел белый свет. До закрытой торцевой двери со стеклом было два шага. Жёлтая лампа исчезла вместе с четырьмя полками.

Я заглянул за открытую створку. Между петлями скобы не было. Коснулся вытертого места, где она только что лежала. Отец оставался в вагоне позади нас. Ошибиться направлением здесь было негде.

Объяснил, что минуту назад дальше был проход. Начальник поезда показал схему состава: этот вагон стоял последним. На вопрос о возможной пересадке ответил, что поезд всё это время двигался.

— Обращение ваше всё равно передадим, — сказал он.
— Отец с вами. Пока к сопровождающим его не отпускайте.

Он записал имена Веры и Леонида Сергеевича. Фамилию врача я не знал. Начальник поезда попросил сообщить, если тот появится, и пошёл проверить данные по документам отца. Проводница пообещала связаться с коллегой в моём вагоне и помочь нам дойти.

Я остался у двери. Слышал, как начальник поезда спрашивает отца о месте посадки. Придержал дверь, дожидаясь знакомого скрежета.

Он раздался, когда разговор за спиной отдалился. Сквозь щель возле косяка показался конец скобы. Рука проводницы завела его в петлю и закрепила второй конец. Под ногами снова дрогнула переходная площадка. За дверью горела лампа под жёлтым стеклом.

Проводница в жилетке выпрямилась. Спросила, устроил ли я отца, и отступила, пропуская меня. Из-за её плеча вышла Инга. Она остановила меня у порога, взяв за правую руку.

Обернулся в вагон. Отец сидел там же. Начальник поезда уже ушёл. Попросил обычную проводницу ещё немного побыть с отцом.

Инга показала на скобу. Объяснила, что, пока та стоит в петлях, можно пройти. Снять можно с любой стороны, если никто не двигает дверь. Здесь снова окажется конец состава. Я сказал, что видел, как проводница это сделала перед проверкой.

— Поэтому она и открыла снова, — ответила Инга. —

Вера тебя ждёт. Думает, сейчас успокоишься.

Протянул руку к скобе. Инга не стала мешать. Только спросила, собираюсь ли оставить чашки у них. Пальцы уже легли на холодный металл. Посмотрел на дверь, за которой стояла Инга, и убрал руку.

Инга вышла ко мне и прикрыла дверь. Дальше говорили вполголоса. Спросил, почему она сама не ушла вместе с нами. Она ответила, что уходила прежде. Врач потом приезжал с чашкой, и бывший муж слышал от неё слова, которых она говорить не собиралась. Хотел переспросить, но Инга попросила дать ей договорить.

Врач когда-то предложил ей помощь с семейными разговорами. Она назвала себя, ответила на вопрос о муже, потом выпила из чашки. Пока пила, он повторял её ответ. Ей обещали, что станет легче разговаривать. О том, что сможет говорить за неё, врач не предупредил.

Вспомнил, как он спросил моё имя. После этого Вера заговорила о близости с отцом и поставила передо мной чай. Посмотрел на ладонь Инги: ею она отодвинула мой чай.

— Ты не выпил. С тобой они не закончили.

Она пояснила, что одного имени недостаточно. Я ответил Вере, но до чашки так и не дотронулся губами. Врач не сможет распоряжаться моими словами просто потому, что слышал их в купе. Только тут заметил, что всё время трогаю губы, и опустил руку.

Отец мог писать и ходить потому, что у него не отнимали

движения. Забирали ответ в разговоре о сыне. Для этого Вера должна была слышать нас и касаться ложкой его чашки, чтобы подставить сохранённую реплику. Инга говорила, а я вспоминал, как отцовские пальцы сжимались у меня на руке, пока голос обещал остаться.

Спросил, почему она боялась за себя: со мной её никто не связывал. Инга подтвердила. В её чашке хранились ответы бывшему мужу. Но Вера уже решила составить из нас пару и хотела, чтобы мы снова сели за общий стол. Без нашего участия этого сделать не получится.

В прошлую поездку мы тоже пили чай. Затем крепили одеяло на верхней полке. Я посмотрел на неё. Инга убрала руку с моего локтя.

— То, что было между нами, к чашкам не относится.

Она не улыбалась и не пыталась приблизиться. Хотелось спросить, почему тогда она ушла, но отец закашлялся. Обернулся. Проводница подала ему воду, и он махнул мне, показывая, что справится.

На вопрос о матери Инга ответила, что слышала её голос здесь, а объяснять это должна Вера. Попросил не решать за меня, какие объяснения мне нужны. Больше она ничего не сказала.

Спросил, защищён ли отец сейчас. Инга ответила, что Вера нас не слышит. По телефону подставить ему ответ тоже не сможет. Ей понадобится подойти с чашкой и услышать наш разговор. Поэтому уйти можно. Только набор она везёт до-

мой, где отец жил с ней до больницы.

Представил, как завтра она откроет дверь квартиры. Сначала поправит ему подушку, потом достанет из сумки фарфор. Я опять приеду чинить что-нибудь и услышу, что отец всем доволен. На этот раз уже зная, как выглядели два слова на обороте билета.

Сказал Инге, что вернусь. Надо было добраться до отцовской чашки и до её собственной. Всё уже было за решёткой, ключ оставался у врача. На вопрос о замке Инга ответила, что тот обычный, и посмотрела на мои руки.

Попросил её подождать. Проводница помогла довести отца до моего вагона, где нас уже ждали. Сосед поднял мою сумку из-под нижней полки, пока я усаживал отца. Больное плечо тянуло при каждом наклоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.